

вещания, живые лицеподобия, отважные переносы и прочие риторические украшения».³⁰

Если во второй половине 20-х годов творческое усвоение державинских традиций проявлялось у Пушкина прежде всего в области стилистической, языковой, то в 30-е годы в малых жанрах — и философских в том числе — Пушкин определенно возвращается к своей прежней стилистической системе, основанной на языке предметном, реальном в точном значении этого слова. Одический язык в стихотворениях Пушкина почти исчезает вовсе. В медитативной лирике 30-х годов, в стихотворениях «Элегия», «Когда порой воспоминанья», «Из Пиндемонти», «Когда за городом задумчив я брожу», «Вновь я посетил», нет уже внешних следов державинского стиля. Теперь в своих лирических стихах вообще, и в философских в частности, Пушкин все больше отказывается от всякого рода условности выражения (и той условности, которая освящена именем великого для него Державина!), и он становится все более точным, конкретным, непосредственным. На своем поэтическом пути Пушкин как будто бы снова удаляется от Державина. Но это только как будто бы. Нет уже внешнего сходства, но остается внутреннее. Философская лирика Пушкина сходна теперь с державинской не языком своим, не наружными приметам, а напряженным лиризмом, предельной конкретизацией отвлеченных тем, конкретизацией, которая не только не отменяет обобщающего характера мысли, но и поддерживает и усиливает его. Подобно Державину, все философские стихи у Пушкина выходят из конкретного жизненного впечатления, они все относятся к категории «стихов на случай». Сходство Пушкина с Державиным, преимущественно в стилистике, становится сходством менее заметным, но зато более глубоким — сходством в самой поэтической природе лирического стихотворения.

Сказанное выше вовсе не означает, что в 30-е годы в своем творчестве Пушкин начисто отказывается от стилистического, языкового наследия Державина. За редкими исключениями (например, стихотворение «Памятник»), он перестает им пользоваться в малых философских жанрах, где в силу самой их «малости» предельно ограничены возможности развития традиций, внутреннего их обновления, и он обращается к тому же державинскому наследию тогда, когда создает свою философскую поэму, одно из самых глубоких и совершенных своих произведений — «Медный всадник».

³⁰ Г. Р. Державин. Рассуждение о лирической поэзии, стр. 576.